

чая последней. В книге Т. Микола все взаимосвязано и логично, даже самые мелкие языковые детали рассматриваются с точки зрения всей языковой систе-

мы, анализируются как в синхронном, так и в диахронном плане.

АГО КЮННАП (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.1.09>

К. И. Ананьина, Верхне-алатырские говоры мокшанского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1974.

24 января 1975 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита кандидатской диссертации ассистентом Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева К. И. Ананьиной на тему «Верхне-алатырские говоры мокшанского языка». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук А. П. Феохтистов (Москва).

Диссертация К. И. Ананьиной «Верхне-алатырские говоры мокшанского языка» представляет собой продолжение проведенного в предшествующие годы исследования диалектов и говоров мокшанского и эрзянского языков, расположенных за пределами Мордовии. Следует подчеркнуть, что диссертация посвящена весьма интересному диалектному участку, на котором наблюдается взаимодействие двух близкородственных языков — мокшанского и эрзянского. Переплетение мокшанских и эрзянских элементов проявляется на всех уровнях языка, причем в результате билингвизма картина осложняется вклиниванием русских фраз и выражений. Все это, несомненно, усложняет задачу как описания диалектов в целом, так и обоснование отдельных встречающихся в них языковых деталей, и требует от исследователя обширных знаний не только по мордовской диалектологии, но и по соседним языкам. Целый ряд приведенных в диссертации фактов по сравнительному языкознанию и сопоставление их с близкородственными языками убеждает нас в том, что автору удалось в строгой системе и с должной научной точностью и убедительностью изучить описанные в диссертации говоры.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения, а также списка сокращений и библиографии.

Во введении (стр. 2—13) определяется тема исследования, описывается формирование верхне-алатырских говоров, а также приводятся данные по истории изучения и исследования мордовских языков и указываются некоторые монографии по узловым проблемам диалектологии. Приведенная на последних страницах введения карта знакомит нас с географическим расположением верхне-алатырских говоров и с пограничными с ними поселениями.

Первая глава (стр. 14—92) — «Фонетика». В связи с описанием фонемного состава верхне-алатырских говоров мокшанского языка автор иллюстрирует с помощью отдельных слов весь сорокафонемный состав говоров, прибегая к противопоставлению фонем при описании как гласных, так и согласных звуков. Как и следовало ожидать, в системе согласных противопоставление проводится по твердости-мягкости и звонкости-глухости фонем. За описанием следует дробление системы гласных и согласных на определенные подгруппы, причем оно настолько детализировано, что в оглавлении работы только перечисление подгрупп занимает полторы страницы. При описании отдельных фонем автор особо останавливается на положении их в начале или конце слова, на позиции внутри слова в особых случаях, а также на соседних звуках и сочетаниях с другими гласными и согласными. Приведенные при этом сравнения с литературными мокшанским и эрзянским языками подчеркивают своеобразие и особенности описываемых диалектов. Наглядности способствуют и приложенные к первой главе удачно составленные таблицы.

Из фонетических процессов в обла-

сти гласных привлекает внимание явление губной ассимиляции, выражающееся в лабиализации неогубленных гласных перед фрикативными *v*, *φ*: *pid'ems* 'варить' — *pid'uvi* 'сварится'. Заслуживает внимания тот факт, что автор в ходе анализа останавливается на описании единичного случая, когда происходит выпадение согласного *v*, но огубленность возникшего под его ассимилятивным влиянием гласного сохраняется (*kandus'* 'смог принести', стр. 46).

Наиболее яркой отличительной особенностью верхне-алатырских говоров является своеобразная система ударения, в которой наблюдается перемещение ударения с первого слога на конец слова. Поэтому здесь подударным может оказаться также редуцированный *э*, который в мокшанском литературном языке и его говорах выступает, как правило, лишь в безударной функции, например: алат. *казъмс* — мокш. лит. *кóзъмс* 'кашлять'.

Можно вполне согласиться с автором, что во многих односложных словах гласный между корнем и суффиксом не следует считать вставочным, что это скорее сохранившийся звук (*kād'* 'рука' — *kāđ'enekā* 'наши руки'). Можно согласиться, что в финском и эстонском языках этому слову соответствует *kāsi* 'рука'. Однако следовало бы при этом привести вместо именительного падежа или просто основу слова или же какую-либо другую форму, в которой мы имеем дело с сохранившимся гласным (фин. *kāte-me* 'наши руки'). С позиции мордовских языков остается под вопросом, не имеем ли мы дело в таких верхне-алатырских словах, как *ломан'екс* 'человеком', с сохранившимся гласным основы и в таком случае нельзя ли рассматривать их в подгруппе «Вставка гласных» (стр. 44).

При описании фонетических процессов в диссертации рассмотрены явления, представляющие интерес не только с позиции мордовских языков. Так, при описании выпадения гласных в конце сложных слов можно привести интересные параллели из прибалтийско-финских языков (ср. с приведенными на стр. 43 примерами фин. *suurkaupunki* < *suuri* . . . 'большой город' и др.). Сходство устанавливается и в явлении выпадения глас-

ного перед признаком множественного числа *t* (ср. верхне-алат. *очка* 'корыто' — *очкт* 'корыта' — фин. диал. *hevos-t* вместо *hevose-t* 'лошади'). Причиной выпадения гласного в обоих случаях служит его положение в позиции между двумя глухими согласными, которые как бы проглатывают звучание гласного. Подобное обоснование, видимо, могло бы быть приведено автором при описании этих сходных явлений в диссертации.

Вторая глава (стр. 93—172) посвящена описанию морфологии. При дроблении на подглавы автор придерживается традиционной системы: начинает именем существительным и заканчивает междометием. В таком же порядке рассматриваются и морфологические особенности верхне-алатырских говоров.

И в этой главе диссертант зачастую не выпускает из поля зрения даже малейшие детали, причем трактовка их в основном не вызывает возражений. Различение двух падежей — направительного и вносительного — вполне обосновано, хотя их не различают литературные мордовские языки.

Из особенностей верхне-алатырских говоров наибольший интерес представляет тенденция, согласно которой в системе основного склонения малоупотребительностью отличаются формы таких падежей, как отложительный, сравнительный, причинный — значение их передается аналитически. В диссертации прямо не указывается, чем можно объяснить подобное явление. Предположительно здесь отражается влияние какого-либо соседнего языка, сказавшееся на изменении целого ряда других древних исконных конструкций верхне-алатырских говоров. Диссертант вполне обоснованно отмечает, что особенной популярностью и продуктивностью отличается конструкция типа *мин' с'орас'* (вместо *с'оран'ека*) 'наш сын' (стр. 112), аналитический состав которой вытеснил и заменил агглютинативную по характеру форму. Необходимо было бы однако подчеркнуть, что в этом сказывается влияние соседних языковых систем, прежде всего русского языка. Ведь на стр. 128 автор совершенно справедливо и убедительно доказывает, что вместе с проникновением в говоры русских числительных заимствуются и употребляющиеся с ними словосочетания

(*вр'емас цц д'ес'атгъй част* 'времени уже десятый час' и др.). Под влиянием опять-таки русского языка постепенно утрачивается форма транслатива, значение которой передается формой русского творительного падежа, например: *мон сестъ ул'ен' бригад'иръм* (вместо *бригад'иркс*) 'я тогда был бригадиром'. Почти полностью вытеснены формы условно-составительного наклонения — вместо них функционируют конструкции с русским заимствованным словом *кэбъ* 'кабы' (стр. 159).

В целом диссертант хорошо ориентируется в сложных вопросах формообразования с учетом как диалектной базы, так и влияния соседних языков. Для примера остановимся на авторском анализе сложной и запутанной формы *пер'ен'äт'н'ен'деса* 'в этих огородах', относительно которой в диссертации говорится следующее: *т'* — суффикс множественного числа основного склонения + *н'е* — суффикс определенности + *н'д'* — суффикс датива, образованного от генитивного *н'* и форманта *т'* (< *т'ен*) + падежный суффикс (стр. 103). Не вызывает сомнения, что *н'д'* — суффикс да-

тива, однако каким образом он оказался в форме инессива, как проник в другие косвенные падежи — об этом в диссертации ничего не сказано. Для сопоставления можно указать, что и в эстонском языке есть соответствующее верхне-алатырскому -*н'ен'д'еса* образование *nendes*, но по происхождению это разные формы.

Любопытные черты сходства устанавливаются — на основании приведенных в диссертации данных — между приманиванием животных в исследуемых говорах и в прибалтийско-финских языках, что никак нельзя объяснить случайным совпадением. Так, верхне-алатырскому приманиванию цыплят *t'una-t'una* соответствует эст. *tibu-tibu*, приманиванию коров, телят *pp'он'-pp'он'* — фин. *ptrui-ptui*, приманиванию собак *кут'ä-кут'ä* — эст. *kuta-kuta* или *kutsu-kutsu*. Подобные фактические данные важны не только для мордовской диалектологии. Заслуживают большого внимания и приложения в виде таблиц склонения и спряжения, а также снабженные переводами образцы диалектных текстов.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Т. И. Ломакина, Городищенский диалект мокша-мордовского языка. Диссертация [на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1974.

14 марта 1975 года на Ученом совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита интересной диссертации по мокшанскому языку. Эрзянские и мокшанские диалекты очень разнообразны. История развития мордовских языков проясняется только при изучении всех основных диалектов, которое необходимо и для разяснения разных проблем развития финно-угорских языков в общем, так как в мордовских диалектах законсервировались многие морфологические и лексические факты, которые в других финно-угорских языках редки или же сохранились только как пережитки. Поэтому исследования по мордовским диалектам и говорам весьма актуальны.

Т. И. Ломакина поставила своей целью описание важнейших особенностей

фонетического и грамматического строя городищенского диалекта мокшанского языка. На этом диалекте говорят в Городищенском и Сосновоборском районах Пензенской области. Вперемежку с мокшанскими селами и по соседству с ними расположены эрзянские села, поэтому эрзянский язык в некоторой мере повлиял на местный мокшанский диалект.

Городищенский диалект до написания рецензируемой работы был очень мало изучен, несмотря на то что еще Х. Паасонен в 1898 и 1899 годах записал несколько текстов в двух селах. Материал, на основе которого написана настоящая работа, собран главным образом автором во время экспедиций 1961, 1962, 1968 и 1970 годов.

Городищенские мокшане являются переселенцами из разных местностей древней мокшанской территории. Они пе-